

Abraham
Verghese
Cutting for
Stone

Абрахам Вергезе Рассечение Стоуна

роман

Перевод с английского

Сергея Соколова

phantom press

Москва

CUTTING FOR STONE by ABRAHAM VERGHESE

Copyright © 2009 by Abraham Verghese

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии Mary Evans Inc. и Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

Перевод с английского Сергея Соколова
Редактор Игорь Алюков

Оформление обложки и макет Андрея Бондаренко

Абрахам Вергезе

В31 Рассечение Стоуна: Роман / Пер. с англ. С. Соколова. — М.: Фантом Пресс, 2024. — 608 с.

“Рассечение Стоуна” — история любви длиною в жизнь, история предательства и искупления, человеческой слабости и силы духа, изгнания и долгого возвращения домой. В миссионерской больнице Аддис-Абебы при трагических, истинно шекспировских обстоятельствах рождаются два мальчика, два близнеца, сросшихся затылками, Мэрион и Шива. Рожденные прекрасной индийской монахиней, мальчики осиротели, едва успев появиться на свет. Искусство и мужество врачей, разделивших их сразу после рождения, определили их предназначение. Мэрион и Шива свяжут свое будущее с медициной, но каждый пойдет своей дорогой. Их ждет удивительная, трагическая и полная невероятных событий судьба. Абсолютно счастливое детство и драматическая юность, поиски себя и своих корней, поиски отца, предательство и страстное желание искупить вину, любовь, похожая на наваждение, и ревность, изъедающая душу. И все это под сенью медицины, составляющей суть жизни каждого. Что бы ни происходило с героями этого воистину большого романа, какие бы терзания ни довелось испытать, главным для них всегда оставалась хирургия — дело, ради которого они пришли в этот мир.

Абрахам Вергезе — выдающийся доктор, профессор Стэнфордского университета, прошедший, подобно своим героям, через все стадии становления врача, порой в очень сложных условиях. Его роман “Рассечение Стоуна”, впервые вышедший полтора десятка лет назад, сейчас уже по праву считается классикой. Удивительная проникновенность и достоверность, глубочайшее знание профессии и великолепный литературный стиль позволяют назвать книгу Вергезе одним из самых значительных медицинских романов последнего столетия.

ISBN 978-5-86471-960-2

© Сергей Соколов, перевод, 2013
© Андрей Бондаренко, оформление, макет, 2024
© “Фантом Пресс”, издание, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог. Прибытие</i>	13

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

глава 1	Еще раз о течении тифа.	23
глава 2	Недостающий палец	44
глава 3	Врата Слез.	58
глава 4	Чему не место в организме	73
глава 5	Последние мгновения	83
глава 6	Моя Абиссиния	88
глава 7	Смертный смрад.	104
глава 8	Люди Миссии	113
глава 9	Где сокрыт долг	118
глава 10	Танец Шивы.	121

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

глава 11	Язык одра и язык спальни.	137
глава 12	Край земли.	156
глава 13	Христова невеста.	167
глава 14	Слово Искупителя.	179
глава 15	Изворот змеи.	190
глава 16	Невеста на год	201

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

глава 17	“Тицита”	217
глава 18	Грехи отца	222
глава 19	Отдадим собакам должное	233
глава 20	Жмурки	241
глава 21	Знать, что тебе предстоит услышать	257
глава 22	Школа страдания	263
глава 23	Послед и другие животные	269
глава 24	Любовь к смерти	283
глава 25	Ярость как форма любви	289
глава 26	Лицо страдания	295
глава 27	Медицина дает ответы	308
глава 28	Хороший доктор	313
глава 29	Туфли Абу Касыма	322
глава 30	Слово за слово	332
глава 31	Плоть-владычица	347
глава 32	Время сеять	356
глава 33	Форма безумия	363
глава 34	Время собирать	374
глава 35	Тиф на тифе	387
глава 36	Прогностические знаки	391
глава 37	Исход	409

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

глава 38	“Велкам Вагон”	427
глава 39	Врачевание тревог наших	440
глава 40	Соль и перец	452
глава 41	Один узелок за раз	458
глава 42	Кровные узы	462
глава 43	Большой виток	473

глава 44	Начни с начала.	486
глава 45	Вопрос времени.	492
глава 46	Комната с видом	508
глава 47	Пропавшие письма	514
глава 48	Пять пальцев	524
глава 49	Переезд царицы.	531
глава 50	Отсекновение мышцы	541
глава 51	Сатанинский выбор.	552
глава 52	Пара непарных органов.	571
глава 53	Она идет.	589
глава 54	Домашний очаг	594
глава 55	Послед	598
 <i>Словарь</i>		 603

Джорджу и Мариам Бергезе

Scribere jussit amor¹

1   Любовь заставила писать (*лат.*). Овидий.

Я люблю жизнь и потому
Знаю, что люблю смерть.
Дитя заходится в плаче,
Когда мать от правой груди его отнимает,
И в следующий миг находит оно утешение в левой.

РАБИНДРАНАТ ТАГОР. *Гитанджали*

ПРОЛОГ

Прибытие

В год 1954-й от Рождества Христова, тридцатого сентября, ближе к вечеру, мы с братом Шивой¹ появились на свет после восьмимесячного пребывания во мраке материнской утробы. Свой первый вдох мы сделали на высоте одиннадцати тысяч футов над уровнем моря в разреженном воздухе Аддис-Абебы, столицы Эфиопии.

Чудо нашего рождения состоялось в Третьей операционной госпиталя Миссии, в том самом помещении, где наша мать, сестра Мэри Джозеф Прейз, провела за работой немало часов и где она обрела себя.

Когда у нашей матери, монахини мадрасского ордена Пресвятой Девы Марии Горы Кармельской², в то сентябрьское утро неожиданно начались схватки, в Эфиопии завершился сезон великого дождя и стрекотание капель по рифленным жестяным крышам Миссии стихло, подобно оживленному разговору, прерванному на полуслове. Той ночью в опустившейся тишине зацвел мескель, щедро позолотивший горные склоны Аддис-Абебы. На лугах у Миссии осока восстала из грязи, и сверкающий переливчатый ковер подступил прямо к мощеным дорожкам госпиталя, суля нечто куда более существенное, чем просто крикет, крокет или бадминтон.

Одно- и двухэтажные домики Миссии беспорядочной россыпью белели на зеленой возвышенности, словно исторгнутые из

- 1 Шива (*санскр.* “благой”, “милостивый”) — в индуизме олицетворение разрушительного начала вселенной и созидания; одно из божеств верховной триады, наряду с творцом Брахмой и поддержателем Вишну. — *Здесь и далее примеч. перев.*
- 2 Первые женские общины, жившие по правилам кармелитского устава, появились при монастырях Италии и Германии в середине XV в.

земных недр тем же могучим геологическим процессом, что породил горы Энтото. Неглубокие канавки клумб, куда стекала с крыши вода, крепостными рвами окружали приземистые строения. Розы матушки Херст карабкались по стенам, темно-красные цветы обрамляли каждое окно, цеплялись за крыши. Столь плодородна была суглинистая почва, что матушка — мудрая и чуткая распорядительница госпиталя Миссии — не разрешала нам ходить по земле босиком, дабы не отросли у нас новые пальцы.

От главного здания госпиталя, подобно спицам колеса, расходились пять обсаженных кустами дорожек, они упирались в рощицы эвкалиптов и сосен, за которыми почти терялись соломенные крыши пяти бунгало. Матушке было очень по душе, что Миссия напоминает то ли дендрарий, то ли уголок Кенсингтонского парка (где она до приезда в Африку частенько прогуливалась молоденькой монахиней), а то и Эдем до грехопадения.

Мучительные роды не сорвали с уст сестры Мэри Джозеф Прейз ни стоны, ни вскрика. Один лишь гигантский автоклав (дар Цюрихской лютеранской церкви), стоявший за распашной стеклянной дверью в соседнем с Третьей операционной помещении, мычал, всхлипывал и источал слезы, пока его обжигающий пар стерилизовал хирургические инструменты и салфетки, нужные для операции. В конце концов, именно под боком у этого сверкающего чудища, в святилище стерилизационной, прошли семь лет жизни моей матери в Миссии, что предшествовали нашему бесцеремонному появлению на свет. Ее одноместная парта (заимствованная из фондов приказавшей долго жить школы Миссии), над которой потрудились ножи многих отчаянных учеников, стояла здесь лицом к стене. Белый кардиган, который мама, как мне сказали, частенько набрасывала на плечи между операциями, висел на спинке парты.

Над партой мама прикрепила к стене календарь с изображением знаменитой скульптуры Бернини “Экстаз святой Терезы”¹. Тело святой Терезы обмякло, будто в обмороке, губы приоткрыты

1   Святая Тереза Авильская (1515—1582) — испанская монахиня-кармелитка, католическая святая, автор мистических сочинений, реформатор кармелитского ордена, создатель орденовой ветви “босоногих кармелиток”. Католическая церковь причисляет ее к Учителям Церкви.

в экстазе, веки полуопущены. С обеих сторон с молитвенных скамей бесстыже подсматривает хор. Мальчик-ангел, чье излишне мускулистое тело как-то не вяжется с детским лицом, парит над безгрешно-чувственной сестрой, кончиками пальцев левой руки приподнимая самый краешек одеяния, прикрывающего грудь. В правой руке ангел бережно, будто скрипач смычок, держит копьё.

К чему эта картина? Почему святая Тереза, матушка?

Четырехлетним мальчиком я тайком прокрадывался в эту комнату без окон и внимательно рассматривал картинку. Чтобы проникнуть за тяжелую дверь, одной лишь храбрости мне бы не хватало, силы придавало страстное желание узнать побольше о монахине, которая была моей матерью. Я садился за ее парту, и автоклав, разбуженный стуком моего сердца, урчал и шипел, будто пробуждающийся дракон, и постепенно на меня нисходило умиротворение и чувство единения с мамой.

Позже я узнал, что никто так и не осмелился убрать ее кардиган со спинки парты. Это была святая реликвия. Но для ребенка четырех лет все свято и все обыденно. Я набрасывал на плечи этот пахнущий кутикурой¹ покров. Я водил пальцем по высохшей чернильной кляксе, ведь руки мамы когда-то касались этого пятна. Я подолгу смотрел на картинку на календаре, в точности, наверное, как мать когда-то смотрела на нее, и образ все глубже проникал мне в душу. (Многие годы спустя я узнал, что повторяющиеся видения святой Терезы именуются “трансверберацией”, что, как следовало из словаря, означает “проникновение”, а в случае святой Терезы — “проникновение Бога в самое сердце”; метафора маминой веры была и метафорой медицины.) Впрочем, для того, чтобы выразить свое почтение к этому образу, четырехлетке слова вроде “трансверберация” ни к чему. Фотографий на память не осталось, и фантазия подсказывала мне, что женщина с картинки — это моя мать, перепуганная недвусмысленными намерениями мальчика-ангела с копьём. “Когда ты явишься, мама?” — спрашивал я, и голос мой колотился о холодный кафель. *Когда ты явишься?*

1 Кутикура — кровоостанавливающее и обеззараживающее средство растительного происхождения.

И отвечал я себе шепотом: “С Богом!” Вот что осталось мне на память: слова доктора Гхоша, которые он впервые произнес, когда вошел сюда, разыскивая меня, и глянул поверх моих плеч на картинку со святой Терезой. Легко подхватив меня на руки, доктор прогудел своим низким голосом, столь похожим на рокот автотоклава: “Она уже в пути, с Богом!”

Сорок шесть лет и еще четыре года протекло с минуты моего появления на свет, и случилось чудо: я вновь в этом помещении. Оказалось, парта теперь для меня маловата, а кардиган лежит у меня на плечах подобно кружевному омофору священника. Но и парта, и кардиган, и картинка с трансверберацией остались на своих прежних местах. Это я, Мэрион Стоун, изменился, а вовсе не окружающий меня мир. Эта застывшая комната подхватила меня и понесла сквозь память и время. Ничуть не поблекшая святая Тереза (для вящей сохранности ныне оправленная в рамку и помещенная под стекло), чудилось, призывала меня: приведи события в порядок — мол, вот это начиналось здесь и произошло по такой-то причине, и вот так сходятся концы с концами, и вот что привело тебя сюда.

Мы приходим в этот мир незванными и, если повезет, обретаем особую цель, которая возносит нас над голодом, нищетой и ранней смертью, составляющими, о чем не след забывать, общую участь. Став постарше, я определил для себя такую цель: стать врачом. Главным образом не для того, чтобы спасти мир, а чтобы излечиться самому. Немногие доктора, особенно из числа молодых, способны признаться в этом, но ведь, вступая в профессию, мы все, пожалуй, подсознательно верим, что служение другим уврачуется наши собственные раны. Так-то оно так. Если только не разбередит окончательно.

Специальностью своей я избрал хирургию благодаря матушке-распорядительнице, чьим неизменным присутствием было окрашено мое детство и отрочество.

— Что для тебя было бы самым трудным? — спросила она меня, когда в самый черный день первой половины своей жизни я обратился к ней за советом.

Я поежился. Как легко матушка нащупала разрыв между амбициями и целесообразностью.

— А почему я должен обязательно бороться с трудностями?

— Потому что, Мэрион, ты — инструмент Господа. Не оставляй инструмент в футляре! Играй! Да откроются тебе все тонкости игры! Не бренчи “Три слепые мышки”, если способен исполнить “Глорию”.

Как несправедливо со стороны матушки было упоминать об этом грандиозном хорале, заставлявшем меня, как и прочих смертных, сознавать свое ничтожество и в немом изумлении взирать на небо! Ведь она понимала мой несформировавшийся характер.

— Но, матушка, я и мечтать не могу о том, чтобы исполнить “Глорию” Баха, — пролепетал я чуть слышно. Я не умел играть ни на струнных, ни на духовых. Я не знал нот.

— Нет, Мэрион, — она погладила меня по щеке своими шершавыми пальцами, — речь идет не о “Глории” Баха, а о твоей собственной “Глории”, которая всегда с тобой. Это самый большой грех — не раскрыть то, чем одарил тебя Господь.

По темпераменту я был больше склонен к какой-нибудь описательной дисциплине — терапии или психиатрии. Стоило мне только взглянуть на операционную, как меня бросало в пот. При мысли о скальпеле внутри все сжималось (и до сих пор сжимается). Ничего сложнее хирургии я и представить себе не мог.

Вот так я стал хирургом.

За прошедшие тридцать лет я не снискал славы ни своей быстротой, ни отвагой, ни техникой. Назовите меня спокойным, уравновешенным, тщательно подбирающим стиль и приемы, которые в наибольшей степени соответствуют конкретному пациенту и положению, и я почти это за наивысшую похвалу. Я набираюсь мужества от своих коллег-врачей, которые обращаются ко мне, когда им самим надо лечь под нож. Они знают, что Мэрион Стоун отнесется к пациенту с равным вниманием и до операции, и во время, и после. Они знают, что расхожие хирургические шуточки навряд ли “В рассуждения не влезай, увидел — вырезай” или “Чем ждешь-поджидать, лучше сразу откромсать” интересуют меня лишь как показатель интеллектуального уровня тех, кто ими не брезгует. Мой отец, к чьему дару хирурга я отношусь с глубочайшим

уважением, говорит: “Наилучший результат дает операция, которую ты решил не делать”. Умение отказаться от операции, четко осознать, что задача тебе не по силам, попросить помощи у хирурга калибра моего отца — такого рода талант не приносит шумной славы.

Однажды я попросил отца прооперировать пациента, который одной ногой уже был в могиле. Отец молча стоял у койки больного, прижав пальцами пульс, хотя давно уже сосчитал удары сердца, — казалось, чтобы ответить, ему требовалось коснуться кожных покровов, ощутить ток крови в лучевой артерии. Его лицо, словно созданное резцом скульптора, выражало одну лишь сосредоточенность. Мне представились шестеренки, что вертятся у него в голове, померещились слезы, блеснувшие в глазах. Он тщательно взвешивал варианты. Наконец покачал головой и направился к выходу.

Я кинулся за ним. Окликнул:

— Доктор Стоун!

Хотя хотелось завопить: “Отец!” В глубине души я знал, что шансы больного бесконечно малы и что с первым же дуновением наркоза все может быть кончено. Отец положил руку мне на плечо и заговорил мягко, словно с коллегой-новичком, а не с сыном:

— Мэрион, помни одиннадцатую заповедь. Не берись за операцию в день смерти пациента.

Я вспоминаю его слова в лунные ночи в Аддис-Абебе, когда сверкают ножи, свистят пули, камни рассекают воздух и мне кажется, что я на бойне, а не в Третьей операционной, и кровь и плоть чужаков пятнают мою кожу. Я все помню. Однако перед операцией не всегда знаешь ответы. Опириуешь-то здесь и сейчас, и только потом некий прожектор, устремленный в прошлое, любимый прибор шутов и мудрецов, что организуют совещания по вопросам заболеваемости и смертности, высветит правоту или неправоту твоего решения. Жизнь, она ведь тоже такая — мчится вперед, а понимание движется в обратном направлении. Только если остановишься и обернешься, увидишь мертвое тело под колесами.

Теперь, на пятидесятом году жизни, я испытываю благоговение перед вскрытой брюшной полостью или грудной клеткой.

Мне стыдно за род человеческий, за его талант увечить, уродовать, осквернять тело. Хотя именно этот талант позволяет мне любоваться каббалистической гармонией сердца, что проглядывает из-за легкого, или печени и селезенки — заединщиков под куполом диафрагмы, — и восторг лишает меня дара речи. Мои пальцы скользят по кишке в поисках отверстия, оставленного ножом или пулей, петля за петлей, двадцать три фута змеи, плотно уложенных в столь малом объеме, и во мраке африканской ночи кажется, что вот он, мыс Доброй Надежды, и я еще увижу голову змеи. Дива дивные, укрытые от своего владельца под кожей, мускулами и ребрами, предстают перед моим взором. Это ли не величайшая привилегия в земной юдоли?

В такие минуты я вспоминаю, что мне следует принести благодарность моему брату-близнецу, доктору Шиве Прейз-Стоуну, отыскать его отражение на стеклянной панели, разделяющей две операционные, и поклониться за то, что он позволил мне стать тем, кто я есть. Хирургом.

По мнению Шивы, жизнь в конечном счете заключается в латании дырок. Шива никогда не говорил метафорами. Латание дыр — его занятие в буквальном смысле слова. Такова наша профессия. Но есть и дырка иного рода — кровавый разрыв, что разделяет семью. Порой при рождении, порой позже. Все мы пытаемся сшить разорванное. Это цель жизни. Невыполненная, она переходит к следующему поколению.

Рожденный в Африке, живший в ссылке в Америке, в конце концов опять вернувшийся в Африку, я убежден, что география — это судьба. Именно судьба привела меня в точности туда, где я родился, в ту самую операционную. Мои руки в хирургических перчатках занимают точно тот же кусочек пространства у стола в Третьей операционной, что и руки моих отца с матерью.

Порой по ночам сверчки до того надрываются, что в их “заа-зи, заа-зи” тонет кашель и рычание гиен, шныряющих по окрестным холмам. Как вдруг все стихает, будто переключка закончилась, и тебе самое время отыскать во мраке своего напарника и удалиться. В надвигающемся вакууме тишины я слышу, как тонкими колокольчиками звенят звезды, и на меня нисходит ликование и благодарность за то крошечное место во Вселенной, что

занимаю я. Именно в такие минуты я чувствую, сколь многим обязан Шиве.

Братья-близнецы, мы до отрочества спали в одной постели, соприкасаясь головами, тела и ноги в разные стороны. Мы переросли нашу близость, но я до сих пор скучаю по ней, по голове брата рядом. Когда я просыпаюсь на рассвете, первое, чего мне хочется — это разбудить его и сказать: “Красотой этого утра я обязан тебе”.

А еще я обязан рассказать эту историю. Ту самую, о которой молчала моя мать, сестра Мэри Джозеф Прейз, — историю, которой всячески избегал мой бесстрашный отец Томас Стоун и которую мне придется восстановить по кусочкам. Только так можно преодолеть разрыв между братом и мной. Я бесконечно верю в хирургию, но ни один специалист не в силах вылечить кровоточащую рану, разделяющую двух братьев. Где шелк и сталь бесильны, слова должны помочь.

Начнем с начала...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

...Ибо вся тайна ухода за пациентом
в заботе о нем.

ФРЕНСИС В. ПИБОДИ, *21 октября 1925 года*

ГЛАВА I

Еще раз о течении тифа

Сестра Мэри Джозеф Преиз прибыла в госпиталь Миссии из Индии за семь лет до нашего рождения. Она и сестра Анджали были первыми послушницами мадрасского ордена кармелиток, кто после выматывающих курсов получил значки медсестер в Правительственной больнице общего профиля. В тот же вечер девушки постриглись в монахини, приняв на себя обет бедности, целомудрия и смирения. И в госпитале, и в монастыре к ним теперь обращались “сестра”. Их аббатиса, пожилая и безгрешная Шесси Дживаругезе по прозвищу Праведная Амма, благословила двух юных медсестер-монахинь и назначила им неожиданное послушание: Африку.

В день отплытия все послушницы монастыря выбрались на рикшах в гавань — проводить двух своих сестер во Христе. Так и вижу на причале стайку взбудораженных девушек, они восторженно щебечут, их белое облачение треплет ветер, и чайки прыгают подле обутых в сандалии ног.

Я часто пытался себе представить, с какими мыслями покидала мама берег Индии (а ведь им с сестрой Анджали было всего-то по девятнадцать) и поднималась по трапу на палубу “Калангута”, сопровождаемая сдавленными всхлипываниями и пожеланиями милости Господней. Страшно ли ей было? Крепок ли был ее дух? В ее жизни уже было нечто подобное, когда в один прекрасный день она рассталась со своей семьей и ушла за тридевять земель в монастырь; из ее родного Кочина¹ до Мадраса надо было сутки

1 Кочин, или Коччи, — город в индийском штате Керала, крупный порт на Малабарском побережье Аравийского моря.

ехать поездом. По мнению родителей, с тем же успехом она могла бы находиться на другом конце света, потому что они никогда больше ее не увидят. И вот теперь, проведя три года в Мадрасе, она расставалась со своей семьей по вере, отправлялась за океан. И снова пути назад не было.

За несколько лет до того, как начать писать, я выбрался в Мадрас, чтобы пройти по следам мамы. В архивных документах кармелиток я не нашел о ней ничего, но мне попались дневники Праведной Аммы, где аббатиса отмечала события день за днем. Когда “Калангут” отчалил, Праведная Амма, словно дорожный полицейский, подняла руку и “звучным голосом, которым читаю проповеди и который, как говорят, никак не выдает мой возраст” отчеканила: “Оставьте земли свои ради меня”¹. Для Праведной Аммы эта миссия была полна особого смысла. Да, потребности Индии неизмеримы. И да, так будет всегда, но оправданием это быть не должно, и потому две юные монахини, самые добродетельные и самые непреклонные в вере, станут застрельщицами; индийцы, разгоняющие любовью Христовой мрак Африки, — таковы были великие амбиции настоятельницы. Из бумаг я понял ход ее мыслей: в Индии английским миссионерам открылось, что нести любовь Христову лучше всего через припарки и компрессы, мази и перевязочный материал, чистоту и комфорт. Так разве есть более важная миссия, чем миссия врачевания? Две ее юные монахини пересекут океан, и мадрасская Миссия начнет служить и в Африке.

Две машущие фигурки на палубе постепенно превращались в белые точки, а аббатису терзали мрачные предчувствия. Что, если слепое подчинение ее великим планам обречет невинных девушек на ужасную судьбу? “За английскими миссионерами стояла могущественная империя, а что послужит опорой моим девочкам?” В дневнике своем она записала, что скрипучая перебранка чаек и брызги птичьего помета изрядно подпортили торжественные

1 Истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной (Марк, 10:29—30).

провода. Да тут еще вонь тухлой рыбы, запах гниющего дерева и по пояс обнаженные грузчики, которые, увидев девственников, похотливо облизывали ярко-красные от бетеля губы.

Отец Небесный, вверяем Тебе наших сестер, да пребудут в безопасности, — возвала Праведная Амма к Господу, перестав махать и спрятав руки в рукава. — *Босоногие кармелитки¹ молят о прощении и милости.*

Был 1947 год, британцы окончательно уходили из Индии; движение “Вон из Индии!” сделало реальным то, что прежде казалось невозможным. Праведная Амма тихонько вздохнула. Мир менялся, требовались решительные действия, и она верила в них.

Черно-красная жалкая посудина, именующая себя кораблем, пересекала Индийский океан, направляясь в Аден. Трюмы “Калангута” были заполнены разнообразным грузом — нашлось место и для бумажной пряжи, и для риса, и для шелка, и для сейфов “Годредж”², и для канцелярских шкафов “Тата”, и даже для тридцати одного мотоцикла “Ройял Энфилд Баллет” с моторами в промасленной ветоши. Судно не предназначалось для перевозки пассажиров, но грек-капитан выкрутился, взяв на борт “квартирантов”. Многие тогда плавали на грузовых судах, отсутствие должной obsługi компенсировалось экономией. На судне находились две мадрасские монахини, три еврея из Кочина, семья из Гуджарата, трое подозрительного вида малайцев и несколько европейцев, среди которых были два французских матроса, в Адене надевавшихся догнать свой корабль.

Палуба “Калангута” отличалась небывалым простором — кусок суши, да и только. У кормы неким насекомым на спине у слона

1 Орден босых братьев Пресвятой Девы Марии с горы Кармель (Палестина) — один из четырех нищенствующих католических орденов, отделившийся от основной ветви кармелитов в XVI в. Его возникновение связано с деятельностью великих кармелитских святых — Терезы Авильской и Иоанна Крестителя, а также с желанием части кармелитской братии жить по строгому первоначальному уставу ордена. Орден босых кармелитов был утвержден в 1593 г.

2 Компания “Годредж” — одна из старейших и крупнейших в Индии. Образованная в 1897 г., она поначалу специализировалась на производстве замков и сейфов, но во второй половине XX века постепенно стала расширять сферу своих интересов, и сегодня “Годредж” производит весь спектр бытовой техники.

притулилась трехэтажная надстройка, где обитали команда и пассажиры. Венчал надстройку мостик.

Моя мама, сестра Мэри Джозеф Прейз, была малаяли¹ из Кочина, штат Керала. Христиане-малаяли ведут свою родословную от самого святого Фомы, который прибыл в Индию в 52 году от Рождества Христова. “Неверующий” Фома основал свои первые церкви в Керале задолго до того, как святой Петр попал в Рим. Мама была девочка богобоязненная, регулярно посещала церковь, а в средней школе попала под влияние харизматичной монахини-кармелитки, работавшей с бедняками. Мамин родной город лежит на берегах Аравийского моря на пяти островах, подобных драгоценным камням на перстне. Торговцы пряностями столетиями приплывали в Кочин за кардамоном и гвоздикой, среди них был и некий Васко да Гама. Португальцы основали на Гоа колониальное поселение и принялись силой загонять местных индусов в католицизм. В конце концов в Кералу явились католические священники и монахини, словно и не ведая о том, что святой Фома привез в Кералу незамутненное учение Христа за тысячу лет до них. К великому огорчению родителей, мама стала монахиней-кармелиткой, вышла из сирийско-христианской традиции святого Фомы и присоединилась к этим (по их мнению) выскочкам, к этой папистской секте. Если бы она перешла в мусульманство или индуизм, они вряд ли огорчились бы больше. Хорошо еще, родители не знали, что она, ко всему прочему, медсестра и будет марать свои руки, будто неприкасаемая.

Мама выросла на берегу океана возле древних китайских рыболовных сетей, свисающих с бамбуковых шестов и стелющихся над водой, словно гигантская паутина. Для ее народа море было вошедшим в поговорку кормильцем, верным поставщиком креветок и рыбы. Но сейчас, на палубе “Калангута”, вдали от знакомых берегов, она не узнавала своего кормильца. Неужели открытое море всегда такое — туманное, неласковое и беспокойное? В его объятиях судно раскачивалось, и моталось из стороны в сторону, и натужно скрипело. Казалось, воды вот-вот поглотят его.

1 Малаяли — народ в Индии, основное население штата Керала.

Мама и сестра Анджали уединились в своей каюте, заперли дверь, чтобы никто не ворвался, ни мужчины, ни море. Пылкие молитвы Анджали пугали маму. Сестра Анджали возвела в ритуал чтение Евангелия от Луки, она утверждала, что это окрыляет душу и дисциплинирует тело. Две монахини вникали в каждую букву, каждое слово, строчку и фразу до *dilatatio, elevatio* и *excessus* — созерцания, величия и экстаза. Древний распорядок Ришара де Сен-Виктора¹ доказал свою полезность при плавании за море, которому не видно ни конца ни края. К исходу второй ночи, после десяти часов углубленного чтения, сестра Мэри Джозеф Прейз внезапно ощутила, что печатные буквы, да и сама страница исчезли и ее и Господа более ничто не разделяет. Тело, ликуя, уступило тому, что свято, вечно и необъятно.

На шестой день плавания во время вечерних молитв они пропели гимн, два псалма, свои антифоны, возблагодарили Господа и как раз пели “Магнификат”², когда пронзительный треск вернул их на грешную землю. Монахини нацепили спасательные жилеты и кинулись вон из каюты. Палуба вздыбилась, гранью пирамиды она вздымалась в небо. Капитан курил трубку и своей ухмылкой дал понять пассажирам, что пугаться нечего.

На девятый день плавания у четырех из шестнадцати пассажиров и у одного матроса появился жар, а еще через день на теле выступили розовые пятна, образовав на груди и животе рисунок сродни китайской головоломке. Страдания сестры Анджали оказались невыносимы, малейшее прикосновение вызывало у нее мучительную боль. На второй день болезни она впала в горячечный бред.

Среди пассажиров “Калангута” оказался хирург, молодой англичанин с ястребиными глазами, покинувший Индийскую медицинскую службу в поисках лучшей доли. Хотя он и избегал общих

1 Ришар Сен-Викторский (ок. 1110—1173) — французский философ, теолог, представитель мистицизма, шотландец по происхождению, пытался примирить веру и разум с приоритетом веры. Ставил мистическое созерцание выше логического мышления.

2 “Магнификат” (по первому слову первого стиха “*Magnificat anima mea Dominum*”) — славословие Девы Марии из Евангелия от Луки (Лк, 1:46—55) в латинском переводе.

трапез, все заметили, как он высок и силен и как резки черты его сурового лица. Сестра Мэри Джозеф Прейз свалилась на него (в буквальном смысле слова) на второй день плавания, оступившись на металлическом трапе, что вел к кают-компани. Англичанин подхватил ее за копчик и за грудную клетку и поставил на ноги, будто ребенка. Когда она, запинаясь, пробормотала слова благодарности, он залился румянцем. Казалось, их внезапная близость смутила его куда больше, чем ее. Места, где его руки соприкоснулись с ее телом, побаливали, но в этой боли была некая сладость. А потом англичанин пропал из поля зрения на добрых несколько дней.

Сестра Мэри Джозеф Прейз набралась смелости и постучалась в дверь его каюты: все-таки врач. Слабый голос пригласил ее войти. С порога она почувствовала кислый запах желчи.

— Это я, — громко представилась она, — сестра Мэри Джозеф Прейз.

Доктор лежал на боку, лицо серо-зеленое, того же цвета, что и его шорты, глаза зажмурены.

— Доктор, — сказала она, помедлив, — у вас тоже жар?

Он приподнял было веки, и глаза у него закатились. Его вырвало. Метил он в пожарное ведро, но не попал. Впрочем, ведро и так было полно до краев. Сестра Мэри Джозеф Прейз бросилась к нему и пощупала лоб. Кожа была холодная и липкая, никакого жара. Щеки у него ввалились, тело скрючилось, словно его пытались запихать в тесный ящик. Никто из пассажиров не избежал морской болезни, но недуг англичанина протекал в исключительно тяжелой форме.

— Доктор, докладываю, что у пяти пациентов жар. Сопутствующие симптомы: сыпь, озноб, испарина, редкий пульс и потеря аппетита. Состояние у всех стабильное, за исключением сестры Анджали. Я очень беспокоюсь за Анджали...

Как только она высказалась, ей сразу же стало легче, хотя англичанин только и смог, что застонать в ответ. В глаза ей бросилась лигатура из кетгута, обмотанная вокруг поручня койки, она являла собой великолепный набор узлов, налезавших друг на друга и торчавших затейливым флагштоком. Вот как доктор коротал время, когда его одолевала рвота.